

Загадка Чокана

Ербол КУРМАНБАЕВ

го должен остаться мусульманином».

Однако не все так гладко. Здесь можно вспомнить дело «О насильственном отображении жены киргиза Малтабара сына Валиханова», которое разбирали в свое время военный губернатор области Фридрихс. Загадочное это дело находит свое объяснение в воспоминаниях И. Ибрагимовых, земляка и друга Чокана по Омскому кадетскому корпусу. Он поведал трогательную историю любви Чокана к служанке матери, когда после возвращения из Петербурга тот поселился в ауле отца. История эта, немало обеспокоившая родственников, похожа на роман Печорина с Балзой с тем отличием, что Балза не была замужем. Чокан готов с безрассудством молодости идти наперекор обычаям и законам. Давимый чувствами, он ищет поддержку у старшего друга и покровителя К. К. Гутковского и в письме к нему не слишком лестно отзывается о сопернике: «...Было бы несправедливо отдать обратно этому негодяю женщину».

Встревоженный и рассерженный непослушанием сына отец отослал его из аула. Чокан уехал в Кочетав след за возлюбленной. Но прошло время, и любовь, вспыхнувшая от запретного огня, постепенно сама угасла, как это часто бывает в жизни. А Потанину Чокан похуже, ничего не рассказав. Ибрагимов пишет далее: «После этого Чокан уехал в Большую орду, там женился на сестре полковника Тезека

звания друг друга продолжают оставаться у народов и в наше время.

Сейчас уже не употребляются те обозначения народов Степи, которыми пользовались ориенталисты, сопровождавшие русских пионеров, в том числе друзья и знакомые Чокана Валиханова Григорий Потанин, к примеру, писал о некультурной расе, первобытном образе жизни, о диких аборигенах. Семенов Тянь-Шанский называл казахов туземцами, Н. М. Ядринцев — несчастными племенами. Принято было говорить: варвары, инородцы, азиаты. Все кочевые народы без разбора именовались киргизами. Позже были выделены дикокаменные киргизы.

Подобные колониальные замашки сегодня могут показаться чем-то обидным. Однако в то время это было скорее следствием обобщенного невежества. Начав с создания в XVIII веке Иртышской укрепленной линии, имперские силы в XIX веке вошли в степные края с целью установить новые южные границы и ограничить возможное распространение растущего влияния Британии на юге Азии. Различные культуры, языки, религии были настолько непродолимы, что Россия и Степь не могли иметь верное представление друг о друге, сближение было трудным и долгим.

И вот тогда, как нельзя вовремя, возшла звезда Чокана Валиханова. Обладая генеральскими способностями, он, благодаря влиянию отца, получил образование в Омском кадетском корпусе (в то время лучшее учебное заведение края) и впоследствии слушал лекции в Петербургском университете. Знание восточных и европейских языков, громадная эрудиция и творческая работоспособность ярко высветили его энциклопедические дарования.

Он был очень популярен и у своего народа, и в русской среде. Казалось, его оберегает ангел-хранитель. Вспомните, как он участвовал в русском обществе, он играл в нем далеко не заурядную роль, а в провинциальном обществе являлся даже первой скрипкой! Когда Чокан жил в степи, к нему в аул приезжали сородичи поговорить с ним или просто поглядеть на даровитого потомка Чингисхана. Чистый, непрезойденный талант, способный осветить сиянием, подобно бриллианту, и царские дворцы, и бескрайние степи, он всегда будет любим народом, который во многом благодаря его судьбе осознал свой генетический потенциал, свои возможности, а впоследствии, продолжив путь, начатый Чоканом, через Россию открыл Европу. Это осознание позволило Казахстану воспринять положительную сторону режима колонизации, ликвидировать экономическое и культурное отставание, которое в наше время уже было бы невосполнимым, и дает теперь надежду Казахстану прицепиться к поезду мировой цивилизации, стремительно мчащемуся к XXI веку.

И Российской Империи как никто другой подошел Чокан Валиханов. Наподобие Следопыта у Фенимора Купера, только более образованный, он поставил бесценные знания о крае, который представляло освоить. Кроме того, он являл собой прекрасный образец, демонстрирующий пользу достижений цивилизации, привнесенных в Степь Империей. Чокан искренне и благодарно принял доброе отношение к себе, он был редкостным русофилом, настоящим патриотом России. В текстах призвал себя русским, громил мужицкое в противовес христианству, о тюрках говорил, что «они до крайности чувствуют самосохранения».

Со всей своей пронзительностью, с невыносимой болью и грустью Чокан почитывал, что блага цивилизации способны разрушить хрупкое духовное единство народа, привести постепенно к главенству межродового, кланового деления, обесценить культурные и нравственные достоинства. Последовавшая затем смерть может в этой связи показаться в чем-то роковой и предопределенной, как бы поставившей итог его исканиям и потерям. Вспоминается Хаджи-Мурат Льва Толстого, который, изменив горам, перешел на сторону неприятеля. Когда же он, разочарованный, решил уйти обратно, родная земля не приняла его — он уязв в болоте, где и был убит преследователями в жестоком бою. Однако это сравнение нуждается в существенном уточнении.

Чокан Валиханов не был обделен полководным и совершенно заслуженным вниманием. Описанию его жизни посвящено много работ. Но вот о смерти почти ничего не известно, и это — самая большая загадка, оставшаяся Чоканом.

Все без исключения заметки о его последних днях

О Чокане Валиханове приятно писать: его судьба трагична. Не в том ли трагедия, что, вернувшись в родной аул, он ощутил в себе разрушение духовной связи с народом, почувствовал двойственность существования, которая всегда выливается в сознание безразличного одиночества. Казалось бы, его обновленному взгляду и мыслям открываются новые горизонты. Но он не находит понимания у родных своим желаниям, идеям и страстям, терпит сокрушительное поражение в столкновении со степной чиновничьей бюрократией, которая во все времена легко подавляла талантливых и даровитых. Участие в военной экспедиции генерала Черняева, с колониальной жестокостью и самоуправством взявшего приступом Аулие-Ата, где жили такие же кочевники, как Чокан, заставило его содрогнуться. «Не лучше ли было, — читаем мы у Чокана, — оставить киргиз так, как они были прежде. Природные их таланты — устойчивость, их живой ум — в своей деятельности находят гранитный оплот в верах...».

Имперская машина бесцеремонно устанавливает в Степи свою власть. Чокан уходит к степному очагу, чтобы уже никогда не вернуться. Ядринцев понял все правильно: «В этом возвращении в юрту даровитого и образованного инородца есть что-то драматическое. Цивилизация и культурный бек для Чокана Валиханова, человека чуткого и наблюдательного, имели свою острую и большую сторону. В минуту разочарования он идет... в шалаш кочевников, где нравы проще и чище. В этом разочаровании после ослепительного блеска, в

осторожно-однообразии и кратки: страдал чахоткой, поехал на Или лечиться кумысом, женился там на почтенной сестре султана Тезека, и вскоре умер. И ничего более! Никаких официальных подробностей. О признаках чахоточности те, кто видел Чокана в последние годы жизни, говорят субъективно, но диагноз все тот же. Ядринцев: «Комплекция его была слабая, он был, несомненно, чахоточный. Столичная жизнь, развлечения его вредно повлияли на него... Злой недуг — чахотка, давно гнездившаяся, сламывает его». Н. И. Наумов: «Сырой петербургский климат действовал на Валиханова крайне нехорошо, у него обнаружилась в скором времени острая форма чахотки». Потанин: «Вероятно, жизнь в каменных стенах кадетского корпуса дурно повлияла на здоровье Чокана... Он заболел чахоткой, которую передал русскому врачу, который и умер в тридцать три года. Диагноз — малярия — дошел до наших дней. Однако историки, знакомые с описанием болезни, более осторожны: выпадение волос перед смертью не может быть вызвано отравлением мышьяком. Александр в своих завоеваниях использовал теорию божественного происхождения царской власти, выработанную с незапамятных времен на Востоке, и добился вознесения себя, как владыки огромной державы. В такой ситуации открыто умертвить божество значило поднять руку на святых Востока, а это могло привести к непредсказуемым последствиям. И потому возможно, что Александр был без шума отравлен, а тайна осталась в руках тех, кто его окружал, — глав македонского войска, все того же военного ведомства».

Последний год жизни Чокана был невыносимым. Уже не оберегает его ангел-хранитель. Власть окончательно теряет доверие к малополитному, неуправляемому и потому опасному потому что Александр был без шума отравлен, а тайна осталась в руках тех, кто его окружал, — глав македонского войска, все того же военного ведомства.

А мать, отец, почти все братья, другие близкие родственники жили по соседству лет и более. И никакая чахотка их не тронула. Кстати, отец Чокана получил русское образование в Омске, в том же заведении, где впоследствии обучался его сын. Здоровью внука хана Аблая это не повредило.

В сообщениях тех лет при полном одиночестве и причиняем смерти удручают бесконечные неточности, противоречия, несовпадения в ее дате, ошибки исчисления годами, словно о конце было известно понаслышке, а официально извещение аккуратно замалчивалось. Есть и совершенно разительные нелюбопытности. В «Воспоминаниях о Г. Н. Потанине», опубликованных в 1927 г. М. Х. Свентицкая описывает встречу Потанина и Валиханова в глухом городке Никольск Вологодской губернии в 1874 году, то есть спустя девять лет после

смерти Чокана. А. Е. Врангель писал, что видел его в Париже. Очень часто Чокану дают чин полковника, хотя он скончался в звании штабс-ротмистра. Подобные неувязки породили гипотезу (историк К. Канаки), согласно которой смерть была инсценирована без помощи начальника округа Г. А. Колпаковского, а сам Чокан продолжал служить инкогнито. В это трудно поверить, ибо за тридцать лет в степи, тем более человеку творческому, тогда было послужнее, чем сейчас.

Вместе с тем в этой легенде есть одно обстоятельство, которое объясняет некоторые загадки Чокана. Он был не просто человеком, состоящим на военной службе, но выполнял специальные поручения Главного управления Генерального штаба разведывательного характера и до последних дней своих сохранил верность спецслужбе, посылая на несения генерал-майору Г. А. Колпаковскому. Именно на этом поприще он проявил способности, наиболее оцененные Империей. Что там Рейли — король шпионов! Чокану удавались такие трюки, каким могут позавидовать авторы детективных романов. Здесь и перевоплощения, и смена облика, языка, и исполнение деликатных дипломатических миссий. Причем совершенно естественно, что Чокан почитал такую работу за честь. В эпоху овладения новыми землями талантливые ученые, художники, писатели умело сочетали творческую деятельность с разведслужбой. Для этого необходимо было только иметь изощренный ум, забыть привычек, а за веру принять долг.

Специальный характер, определяемый русским Главным штабом, имела каждая экспедиция Валиханова. Это касается не только известного, крайне рискованного путешествия в Кашгар, отчеты по которому часто представляют собой военные документы. «О торговле в Кульдже и Чугучаке», как и другие подобные, в наше время прозвали бы экономическим шпионажем. Принадлежность к особому военному ведомству, возможно, и породило тайну, которой окружена смерть Чокана. И она же гарантировала сохранность тайны. Вспоминается историческая аналогия.

Александр Македонский, непобедимый полководец древнего мира, негодный своему окружению неукротимым нравом, деспотизмом, жил в круговороте интриг, подавляя бунты в войсках, раскрывая заговоры среди военачальников и своих пажей, которые предполагали убить его в постели. И внезапно умер в зените славы в тридцать три года. Диагноз — малярия — дошел до наших дней. Однако историки, знакомые с описанием болезни, более осторожны: выпадение волос перед смертью не может быть вызвано отравлением мышьяком. Александр в своих завоеваниях использовал теорию божественного происхождения царской власти, выработанную с незапамятных времен на Востоке, и добился вознесения себя, как владыки огромной державы. В такой ситуации открыто умертвить божество значило поднять руку на святых Востока, а это могло привести к непредсказуемым последствиям. И потому возможно, что Александр был без шума отравлен, а тайна осталась в руках тех, кто его окружал, — глав македонского войска, все того же военного ведомства».

Последний год жизни Чокана был невыносимым. Уже не оберегает его ангел-хранитель. Власть окончательно теряет доверие к малополитному, неуправляемому и потому опасному потому что Александр был без шума отравлен, а тайна осталась в руках тех, кто его окружал, — глав македонского войска, все того же военного ведомства.

бернатор сообщает военному министру: «Со времени прибытия во вверенный управлению моему край я неоднократно получал необходимые от местных властей отзывы о штабс-ротмистре Валиханове, распространявшем вредные для спокойствия края слухи». Военный министр Милотин на полях одного из подобных докладов замечает: «Переместить бы его на жительство куда-нибудь подальше от степи киргизской».

В марте 1864 г. Валиханов выехал из Омска для участия в упомянутой выше экспедиции генерала Черняева, который, по словам Чокана, «кажется, человек хороший и чина, может, не пожелает». Но во время кровавых событий при взятии Аулие-Ата, которые Чокан безуспешно пытался предотвратить, он вступил в конфликт с генералом. Последовавший выход из состава экспедиции стал по сути дезертирством. Это была игра с огнем. Чокан уехал в Верный, откуда направился в свой последний маршрут в Алтын-Земель к султану рода албан Тезеку.

Хитроумный Тезек-торе пользовался безусловным доверием администрации края. За содействие переходу казахов Старшего жуза под власть Российской Империи он получил звание полковника. А. К. Гейнс писал о нем так: «Тезек небольшого роста. Его блестящие глаза бегали быстро по всей комнате. Говорит он скоро и умно». Чокан в своих экспедициях на Иссык-Куль,

в Кульдже и Кашгар надолго останавливался в ауле Тезека. Представителям администрации здесь была обеспечена любая необходимая помощь. На него Чокан рассчитывал и в этот раз.

Опасаясь преследований за нарушение воинской дисциплины, он, покинув генерала Черняева, обратился за помощью к руководству своего ведомства. В результате суда на Или, к границе с Китаем, он побыл, как это ясно из серии его последующих донесений к генерал-майору Г. А. Колпаковскому, с совершенно конкретным заданием собирать и доставлять сведения о ходе разгорающегося вооруженного конфликта в Кульдже. По письмам видно, что султан Тезек и затем Валиханов выполняли работу резидента по Кульдже. Чокан анализировал поступающую информацию о состоянии хой-хоев, переправлял ее с курьерами в Омск, вел интенсивные переговоры от имени администрации. Он пишет Колпаковскому: «Донесю о сем вашему превосходительству, прошу Вас, если можно, облечь мое агентство в официальную форму, чтобы после мне быть полезным Вашим сотрудником». Этой просьбе Чокан придавал решающее значение, его тревожило состояние неопределенности в отношениях с властями. Но она осталась невыполненной. Ему была лишь обещана в будущем служба при военном губернаторе.

Спустя 22 года Колпаковский назвал кульджинские отчеты Валиханова частными письмами, несмотря на очевидный заказной характер выполнявшихся поручений. Тем самым российский Главный штаб отксертил и от своего офицера-разведчика, и от причастности к пребыванию Валиханова у Тезека. Получается, что Чокан забавы ради в подробности фиксировал события в Кульдже.

Состояние здоровья его между тем резко ухудшилось. Он не может ни выехать из степи, ни получить медицинскую помощь. Ему не к кому обратиться, он просит Колпаковского: «Не будете ли добры выслать мне мазь из рвотного камня или что-нибудь другое... Этим крайне обяжете преданного Вам». Чокан не ведал, что у него за болезнь, как лечиться. Он охватывался стеснением и безнадёжностью. «Я сильно болен... болит грудь и горло. Я отдал себя в руки киргизского врача-невежды, который поит бог знает чем. Все-таки это лучше, чем умирать, сложа руки».

навшие об обязательствах перед режимом: агенты, курьеры, осведомители и прочие исполнители желаний верховной власти. Его невероятно тяготило и терзало присутствие людей, приставленных следить за ним. Многим друзьям он жаловался на казенного денщика Сейфуллокова, избавиться от которого был не в силах. Он забывался под таким плотным приглядом. И даже теперь, умирая в чужом ауле, без надежды на помощь близких, наткнулся на одни бдительные взоры бесстрастных лиц.

Если внимательно приглядеться к обстоятельствам, загнавшим его в этот безвыходный кульджинский угол, то в них усматривается закономерность с предопределенным итогом, точно невидимая рука дирижировала послушным оркестром из людей, окружавших Чокана. Содействовала ли болезнь этим неведомым планам, или она была только ширмой в зловещем действии, подобном тому, что некогда привело к гибели македонского царя?

Кто мог желать его смерти? Кому была негодна гордость народа, надежда ученого мира? Иногда высказываются мнения, что Валиханов был устранен силами британской разведки, как влиятельная политическая фигура (например, В. Владимиров, «Новое поколение», № 40, 1995 г.). Отсюда следует, что Чокан мешал планам Британской Империи.

Очень сомнительная версия. Случись такое, военная администрация не стала бы замалчивать злое намерение соперника в ненастной погоне за территориями. Более того, к 1865 году в британском мире уже утвердился анализ братьев Мичеллов, основанный на трудах Валиханова и других российских исследователей, о политической и экономической ситуации в Центральной Азии. Мичеллы заключили, что регион не представляет интереса для Британии из-за низкого качества и нежизнеспособности производимого здесь продукта. По сути дела они определили политику Запада до XXI века, — и в наше время не заманти англичан в степь калачом.

Недугу был, конечно, гораздо ближе, могущественный и многоликий. И поскольку открыто устранить на ханскую власть, тем более отмеченного печатью гениальности, означало бы презрение к традиционным святыням Степи, что могло привести к непредсказуемым последствиям во взаимоотношениях Империи и кочевых народов, то оставалось травить исподволь годами, отравить метателью по огромной и ласковой степи, загнать, как в мышеловую, в отдаленную труднодоступную местность. Затем тихо схоронить, не подпуская ни врачей, ни родных, ни друзей, ни тех многочисленных почитателей, которые дорожили дружбой с ним. А потом сорок лет замалчивать труды, созданные прежде всего во благо России.

Тяжело жить в юрте в холодной и сыпучей весенней степи. Еще тяжелее и мучительнее лежать беспомощным на кошке, видя только светлый круг над головой, изводя себя вопросом: почему? Устал, нет никакой силы, весь вымок, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повиноваться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех».

Читая Чокана Валиханова, поражаешься прежде всего тому, как много он сотворил за тридцать лет жизни. Каким образом в бескрайней степи возник редчайший дар, таинственный талант с громадной интеллектуальной работоспособностью. Если это тот самый случай, которому служат многие поколения предков, сохранившие лучшие черты, то народ может быть горд и за себя, и за своего гения.

Удивительны работы Валиханова, тщательно выверенные, блестящие иногда яркими строками, причудливыми сочетаниями слов, мыслей, сравнениями с выдающимися образцами словесности, а порой написанные спешно и безоглядно, подобно дневникам. Можно вспомнить «О состоянии Алтышара...» — обдуманный научный анализ. Или другой шедевр «Западный край Китайской империи и город Кульджа» который наполнен энциклопедическими данными, но в то же время украшен лирическими зарисовками, сравнениями, перекличками тонкой и чувствительной души, зорко подмечающей с поистине гоголевским юмором любые проявления дикости, глупости, прелесть.

И лишь подчеркнутая отстраненность автора, холодный, ироничный взгляд постороннего, в особенности при описании жизни родного степного края, да уничтожающая язвитель-

ность, близкая к дерзости, которая невольно вынуждает думать о сходстве с Лермонтовым, — именно они создают ощущение непоправимого одиночества. «Перед вечностью все это ничтожно...» — любил приговаривать Чокан, словно знал, как короток может быть век человека. Наверное, поэтому его жизнь, озаренная огнем вдохновения, полная противоречий, ошибок, радости и отчаяния, заворачивает и захватывает, а многое, написанное им и о нем, таит загадки.

Но как это часто бывает, судьба автора отожествляется с его трудами, и о Чокане стало принято говорить установившимися категориями: замечательный историк, этнограф, языковед, записал первый эпос «Манас», совершил сенсационное путешествие в Кашгар. А между тем простые человеческие качества, те черты и мелочи, которые легко забываются по прошествии времени, иногда сильнее и точнее говорят о личности, чем крупные дела.

Немало было сказано современниками о его величии и природной доброте, восприимчивости ко всему новому, умении метко и образно выражаться, ироничности и необычайном артистизме — поразительный облик. Другу Валиханова Григорию Потанину принадлежат, вероятно, наиболее полные достоверные описания характера и привычек Чокана (во всяком случае, многие определения Потанина перешли затем в воспоминания других авторов). По его рассказам легко представить энергичного и живого непоседу, виртуозно сочиняющего анекдоты, любящего барскую обстановку, склонного к сибаритству, будного в юрте или петербургской квартире. Все это, впрочем, не мешало неустанно трудиться. Он читал, слушал, писал, зарисовывал, правил тексты в залах библиотеки Омска и Петербурга или сидя на кошке в юрте в Кушмуруне и Кульджинской степи, на частых привалах в экспедициях, в холодных горах Тянь-Шаня и на берегу Иссык-Куля.

И вместе с тем он мил и прост, ему присущи знакомые всем людям чувства. Чокан, к примеру, бывал сентиментален до слез, что вообще свойственно казахам (вспомним хотя бы известное письмо Достоевскому). Он изнежен, капризен и влюбчив. Потанин писал: «Любил ли Чокан, не знаю. В Омске у него были увлечения, но они далеко не заходили... Он говорил, что он не может жениться на русской девушке, потому что хочет служить своему киргизскому народу, а для это-

